

Я.А. КРОНРОД И ДИЛЕММЫ СОВЕТСКОЙ ПОЛИТЭКОНОМИИ (К 100-летию со дня рождения)

М.И. ВОЕЙКОВ,

доктор экономических наук, профессор,
Институт экономики Российской академии наук,
e-mail: mvok1943@mail.ru

В статье рассматривается научное творчество известного советского политэконома Я.А. Кронрода на фоне проблем советской политической экономики. Показывается противоречивый характер экономической науки советского периода и дилеммы, в которых оказывались наиболее творческие ученые. Прослеживается преемственность дискуссий по основным вопросам политэкономии от 1920-х гг. до наших дней.

Ключевые слова: политическая экономия; экономические реформы; методологические проблемы.

The article represents the survey of the scientific activity of famous Russian political economist J.A. Kronrod on the background of contradictory soviet political economy. The picture of soviet discussion in economic science and dilemmas of soviet scientists are displayed. The succession of discussions on main problems of political economy from 1920 up to our days is analyzed.

Keywords: political economy; economics reforms; methodological problems.

Коды классификатора JEL: A11, B24, B31, B41.

ПРЕАМБУЛА

Яков Абрамович Кронрод (1912–1984) – выдающийся советский экономист. Оставил заметный вклад в отечественной экономической науке по проблемам методологии политической экономики, теории способа производства, хозяйственного механизма, теории денег и цен, теории воспроизводства. Инициатор и участник многих экономических дискуссий 60–80-х гг. XX в. в нашей стране. Создал особую школу в политической экономике.

Всякий крупный экономист советского периода, а тем более такой выдающийся теоретик экономической науки, как Яков Абрамович Кронрод, неотделим от своей эпохи, своего времени, своей страны. И многие типичные черты эпохи, особенности ее идеологии, проявлялись в научном творчестве Кронрода.

Родился Я.А. Кронрод в 1912 г. в небольшом городке Алексин, Тульской области. В 1930 г. окончил среднюю школу в Москве, затем учеба на философском факультете МГУ. Параллельно с учебой с 1931 г. работа в Госплане СССР, Мособлплане и в ЦСУ СССР. С 1940 г. до конца жизни (1984) Я.А. Кронрод работал в Институте экономики АН СССР (ныне Институт экономики РАН).

В традициях отечественного обществознания

Почти вся творческая жизнь Я. А. Кронрода была связана с Институтом экономики АН СССР, где он сложился как ученый, вырос в лидера оригинальной научной школы советской политической экономики и где он в конце жизни был отстранен от активной научно-организационной деятельности. От творческой работы ученого отстранить невозможно. Поэтому, рассматривая научно-теоретическую деятельность Кронрода, придется постоянно обращаться и к роли Института эко-

номики (в дальнейшем ИЭ) в развитии отечественной экономической теории и политической экономики в том числе.

Институт экономики, образованный в 1930 г., пожалуй, до 60-х годов прошлого века представлял собой наиболее важное, или, главное научное учреждение, где исследовались политэкономические проблемы. Конечно, были и другие места, в основном кафедры вузов, но ИЭ являлся в этих вопросах как бы головным. Это было связано с рядом причин. Основная причина, видимо, заключалась в том, что ИЭ стал преемником Института экономики Коммунистической академии, где концентрировались исследования идеологических и методологических проблем строительства нового общества. Становление ИЭ пришлось на период формирования сталинизма как официальной идеологии под названием «марксизма-ленинизма» и большинство (или все) политэкономические исследования находились под этим воздействием. Никто из заметных исследователей не избежал в той или иной мере влияния сталинистской методологии. К сожалению, эта методология и сегодня еще прочно сидит в некоторых крепких головах.

При этом нужно учитывать один важный момент. Если сталинистская методология под названием «марксизм-ленинизм» господствовала все 1930-е гг. и дальше, то иное положение было в 20-х годах. Тогда «марксизма-ленинизма» как господствующей идеологии еще не было. Была борьба разных направлений и течений экономической мысли, хотя и в широких рамках одного и того же марксизма. Например, длительная и жесткая дискуссия между механистическим и идеалистическим направлениями в политической экономике. Все 20-е гг. работы такого крупнейшего советского политэконома, как И.И. Рубин, несмотря на то, что его периодически арестовывали, отправляли в тюрьмы и ссылки, издавались и переиздавались. Шли очень активные и интересные дискуссии по теоретическим вопросам политической экономики, в том числе и по работам И.И. Рубина. Много печатались и обсуждались такие крупнейшие советские теоретики и государственные деятели, как Н.И. Бухарин, Н.Д. Кондратьев, Е.А. Преображенский, Г.Я. Сокольников, Л.Д. Троцкий, А.В. Чаянов и многие другие, которые уже в 1930-е гг. были репрессированы. Не зря говорят, что это был «золотой век» советской экономической мысли. Естественно, что накопленные за 1920-е гг. знания никуда не исчезли, они сохранялись и в 30-е гг., и много дальше. В 1930-е гг. стали исчезать люди, а не знания. И естественно, что знания и идеи 20-х гг. так или иначе давали себя знать в научном творчестве отдельных ученых и в последующие годы. Относительно Кронрода можно с полной уверенностью говорить, что он в своих трудах уже в послевоенный период воспроизводил в более актуальном виде многие идеи Е.А. Преображенского и И.И. Рубина.

В этих методологических рамках разворачивались политэкономические исследования ученых ИЭ, среди которых Я.А. Кронрод занимал ведущее положение. Основное противоречие, с методологической точки зрения, в котором оказывались эти ученые, состояло в том, что, с одной стороны, нужно было активно формировать (или оправдывать) существовавшую экономическую политику, а с другой, нужно было исследовать и объяснять реальности социально-экономического процесса, как он проходил в натуре.

Не будем забывать также, что почти все советские политэкономы исходили из необходимости улучшения не просто какого угодно общества, а именно того «социалистического общества», в котором они жили. Многие были искренне убеждены, что весь комплекс улучшений приближает существующее общество к искомому идеалу. Но особенность школы ИЭ состояла в том, что методологические рассуждения по проблемам улучшения экономической системы прежде всего выявляли характерные черты реально существовавшей системы, и на этой основе пытались уточнить или даже трансформировать идеальные представления.

Так, например, предложения по развитию товарно-денежных отношений и реформированию тогдашнего хозяйственного механизма в сторону усиления рыночных начал в советской экономике, неоднократно делавшиеся Я.А. Кронродом и его сотрудниками по ИЭ, на первый взгляд можно было трактовать как улучшение, совершенствование системы управления народным хозяйством. Они и шли под лозунгом «дальнейшего совершенствования хозяйственного механизма». И действительно, эти предложения существенно улучшили бы работу хозяйственного механизма. Но на самом деле у этих предложений была более глубокая основа, которая заключалась в необходимости «легализации» реально существовавших товарных и рыночных отношений. Превращение прибыли в основной экономический показатель хозяйственной деятельности предприятия означало раскрепощение предприятий, снятие искусственных ограничений, нормализацию работы хозрасчетного предприятия на основе самоокупаемости, к чему предприятие в экономической системе было призвано изначально. Иными словами, представители реального направления стремились, прежде всего, «легализовать» реально существующие экономические отношения. Хотя, фразеологически это

не всегда или нелегко прочитывалось в текстах этих ученых. Особенно это свойственно текстам Я.А. Кронрода.

Научная проработка реальных народнохозяйственных проблем постоянно наталкивала исследователей на проблему резкого расхождения реального экономического процесса и теоретического его оформления в официальной идеологической парадигме «марксизма-ленинизма». Так как политическая экономия социализма считалась преимущественно идеологическим занятием, то у тех, кто этим занимался, не могло не быть известной раздвоенности, и даже растроенности. Попробуем этот момент прояснить. С одной стороны, надо было соответствовать идеологическим схемам советской конструкции «марксизма-ленинизма», по крайней мере, далеко отсюда не выпадать. За это наказывали более сильно, чем за что-либо другое. Этот момент осложнялся еще тем, что данная идеологическая конструкция постоянно менялась, причем в разные стороны. С другой стороны, надо было соответствовать классическому марксизму, ибо последний рассматривался как основа советской идеологической конструкции. Трудность здесь состояла в том, что конструкция «марксизма-ленинизма» далеко не всегда совпадала с классическим марксизмом (например, положение о строительстве социализма в отдельно взятой стране), и уже отсюда шла раздвоенность. Но была и третья сторона — народнохозяйственная практика, изучение и объяснение которой вообще-то составляло важнейшую функцию политической экономии. Разные научные коллективы решали эту проблему по-разному.

Наиболее глубоко эту противоречивость в своем творчестве отразил Я.А. Кронрод, который для послевоенного периода в политэкономических исследованиях ИЭ был одной из центральных фигур, а в 1960-е годы просто основной. В отличие от многих политэкономов, которые крепко держались за спущенные сверху партийные формулы или достаточно абстрактные теоретические построения марксизма, что, конечно, было много интереснее первого, Кронрод, наоборот, исходил от жизни и пытался теорию подправлять под практику. Поэтому-то он и внес много нового в политэкономическую теорию, постоянно у своих читателей вызывая сомнения в истинности официальной идеологии. В целом его теоретические построения были много ближе к практике, но при этом и дальше от сталинистских политэкономических формул и догм. Кронрод последовательно выступал за развитие рыночных отношений, товарного производства, закона стоимости, за экономическую демократию и т.д. Однако все это не были категории сугубо социалистических отношений и это было очень трудно совместить с господствующими социалистическими императивами.

Две формы связи

С уровня сегодняшнего знания мы вправе утверждать, что Кронрод оказался в тисках теоретического противоречия, которое вообще было присуще всей нашей прежней политэкономической конструкции. Более того, я бы сказал, что Кронрод лучше и глубже всех выразил это противоречие. Может быть, он был более противоречивым, чем все остальные советские политэкономы. Это, например, хорошо видно на его конструкции двух форм народнохозяйственных связей: прямой, непосредственно планомерной, и косвенной, товарной. Здесь его в равной мере обвиняли в непоследовательности и рыночники (более близкие и симпатичные ему исследователи), и планомерники. Однако лучше было бы не обвинять, а понимать — почему в этом уме сформировалась такая противоречивая конструкция. Сегодня можно все это дело представить более ясно.

Итак, теория Кронрода о двух формах связи. Вот, пожалуй, наиболее емкая цитата по этому вопросу: «Прямая безэквивалентная экономическая связь при социализме является господствующей, но не единственной; в сочетании с ней как дополнительная выступает косвенная, товарная, эквивалентная форма экономической связи, т.е. форма движения экономических отношений, связанная с товарно-стоимостным опосредованием этого движения. Ее содержание и место определяется тем, что социалистическое производство необходимо представляет собой особый род товарного производства» [6, с. 387].

Эта теория родилась не на пустом месте и имеет под собой определенные объективные основания. Суть ее можно свести к тому, что, по мере обобществления производства, чисто рыночные связи уступают место другим, по терминологии Кронрода, «непосредственно-планомерным». Кроме того, а, может быть, это главное, для модернизации экономически отсталой России была объективно неизбежной очень существенная роль государства в управлении экономикой. Было необходимо, как говорится, огосударствление экономики. И это огосударствление было не чьей-то ошибкой или гримасой сталинизма, а объективно необходимой мерой осуществления догоняющего развития. Многие страны второго эшелона экономического развития проходили этот этап.

И естественно, что в этот период механизм рыночного саморегулирования отодвигался мерами прямого государственного регулирования на задний план или дополнялся (уж как там получится) «непосредственно-планомерным» регулированием. То есть плановым началом. В теории догоняющего развития это составляет центральное звено.

Но есть еще и иной аспект этой темы. Интересно с точки зрения сегодняшнего дня оценить эту теорию. Конечно, можно сказать, что в то время эта теория давала возможность развивать и концепцию товарных отношений, позволяла их вводить в ткань советской экономики и т.д. Это верно. Но считать эту теорию лишь удачным тактическим ходом, думаю, будет очень узко. На мой взгляд, эти две формы связи отражают потребности не только первоначального этапа становления индустриальной системы в отсталой стране, но и реальности современного экономического мира вообще, и имеют мало связи с социализмом или капитализмом. Если уж говорить с предельной обобщенностью, то наше общество 1960-х годов скорее всего должно было в большей мере регулироваться именно рыночной, косвенной связью. Что, собственно говоря, объективно и было. А вот экономически высокоразвитые страны, наоборот, могли иметь и имели в системе своего регулирования большую роль прямой связи, чем она была свойственна нам¹.

Другое дело, что в условиях административно-командной системы прямые связи, а точнее, просто командные, признавались основными и почти единственными. Теория Кронрода создавала научный фундамент под эти командные связи, объясняла их якобы объективную необходимость для нашей слаборазвитой экономики. Но в общем-то, при последовательном развитии идея о прямой планомерной экономической связи могла входить в противоречие с реальной практикой и самого тогдашнего планирования, и просто экономического командования.

Таким образом, сама постановка Я.А. Кронрода о двух формах связи была интересна и плодотворна. Более того, можно в этой связи вспомнить известную конструкцию Е.А. Преображенского о двух регуляторах советской экономики: закона «первоначального социалистического накопления» и закона ценности (стоимости)². Но эту теорию Преображенский разрабатывал для переходного хозяйства, не имея в виду социалистическое общество. Так что, в сегодняшнем понимании вопроса, две формы связи Кронрода могли бы означать переходный характер и того общества, в котором жил Кронрод. И это было много ближе к реальности, чем другие менее противоречивые конструкции. Можно также указать на то, что кронродовская конструкция двух форм связи хорошо встраивается в современную трактовку смешанной экономики.

Допустимый реформизм: вокруг 1965 года

Кронрод и до 1965 г. был хорошо известен в экономической науке. Почти все основные экономические дискуссии прочно связаны с именем Кронрода. Это имевшие широкий научный резонанс дискуссии, о товарном производстве и законе стоимости при социализме (1963), о концепциях ценообразования — «трудовая версия стоимости» (1957), о воспроизводстве и законе преимущественного роста средств производства (1958-1962), о сфере материального производства и непродуцируемом труде (1953), об основном законе социализма (1961), о собственности как особом производственном отношении (1962), об экономической реформе (1964), методологические проблемы политэкономии социализма (1966) и многие другие. Легче, наверное, перечислить дискуссии, в которых Я.А. Кронрод не принимал участия. К этому времени вышли из печати многие его фундаментальные труды. Среди них: «Основы хозяйственного расчета» (1952), «Социалистическое воспроизводство» (1955), «Общественный продукт и его структура при социализме» (1958), «Деньги в социалистическом обществе» (1954 и 1960), многие статьи и выступления. Я бы сказал, что на этот период (первая половина и середина 60-х годов) приходится расцвет Кронрода (нет, не творчества — оно развивалось по восходящей до самой его смерти), а так сказать, личного успеха, карьеры, если это понятие можно применить по отношению с Я.А. Его принимают в Союз журналистов (1960), приглашают на все значимые конференции, он член редколлегий и соавтор многих авторитетных коллективных трудов и т.д. и т.п. Неизмеримо возрастает его публикационная активность.

¹ Это место, наверное, требует пояснений и аргументов. Но чтобы не отвлекаться далеко от темы, приведу в подтверждение моего тезиса лишь одно высказывание заокеанского авторитета, сегодня часто забываемого: «Не социалисты враги рынка, а передовая техника, а также диктуемые ею специализация рабочей силы и производственного процесса и, соответственно, продолжительность производственного периода и потребности в капитале. В силу этих обстоятельств рыночный механизм начинает отказывать как раз тогда, когда возникает необходимость исключительно высокой надежности, когда существенно необходимым становится планирование» [1, с. 71].

² См. подробнее: [21].

В 1950-х годах Я.А. Кронрод выполнил цикл серьезных работ по теории воспроизводства, многие положения которых до сих пор плохо освоены отечественной экономической наукой. Сложность заключается в том, что наряду с консервативными взглядами (например, закон преимущественного роста первого подразделения) Я.А. отстаивал положения, которые и тогда, и теперь являются спорными. Это относится, например, к теории производительного труда и трактовке общественного продукта. Сегодня, когда волевым путем Госкомстат в исчислении валового продукта и национального дохода перешёл от метода баланса народного хозяйства, теоретические основы которого были заложены еще старыми российскими учеными и развиты Кронродом, к методу национальных счетов, потерялась объективная основа измерения роста реального сектора экономики. Остается неизвестным – растет ли в действительности общественное производство, когда валовой продукт (ВВП) увеличивается в основном за счет услуг и транзакционного сектора экономики. Например, слова, написанные Кронродом более 50 лет назад, и сегодня звучат абсолютно верно, как бы не сердились сторонники национального счетоводства: «Вне сферы материального производства функционирует значительная часть необходимого общественного труда, обслуживающая отрасли непроектируемой деятельности. Этот труд не представляет собой процесса непосредственного воздействия на материю и её силы, он не является материально-производительным трудом и поэтому не создает общественного продукта. Но он создает все духовные богатства человеческого общества и выполняет различные другие общественные функции» [12, с. 149]. И действительно, в связи с распределением духовных богатств не возникает классового конфликта, что характерно для материального продукта. Многие услуги и духовные блага не поддаются реальному экономическому измерению, что делает иллюзорным их включение в валовой продукт. Особое значение эта тема и мысли Кронрода о границах материального производства и, стало быть, общественного продукта приобретают сегодня, после мирового финансового кризиса. Отрыв финансового сектора от реального производства плохо осмыслен современной политической экономией, нет у капитализма в этом отношении четкой перспективы. Для современного понимания всего этого по необходимости нужно обратиться к учению о производительном труде и вкладу Кронрода в эту теорию.

Однако вернемся к теории реформирования экономики. Осенью 1969 г. в Институте было проведено заседание Ученого совета по обсуждению, как тогда утверждали, программы **II этапа экономической реформы**. Сейчас почти ясно, что экономическая реформа 1965 г. в целом «не пошла» не только потому, что в ней было много изъянов, но прежде всего потому, что она не была нужна тогдашнему политическому руководству страны. Но в печати продолжали обсуждать реформистские мероприятия, некоторые экономисты мечтали о ее развитии и углублении. Институт экономики еще продолжал играть ведущую роль в разработке идеологии экономической реформы³.

Наверное, к таким мечтателям можно отнести и Кронрода. С группой молодых единомышленников он подготовил доклад о развитии реформы (**II этап**) для обсуждения на Ученом совете института, с тем, чтобы послать эти предложения в ЦК КПСС и правительство (как тогда говорили, в директивные органы) [20, с. 138].

Эти самые «директивные органы» предложения Кронрода, как и других реформаторов, положили «под сукно», но порекомендовали дирекции Института обсудить эти предложения «как следует». К тому времени политический курс выявился уже более четко – курс на свертывание всяческих реформ, укрепление тоталитаризма, возрастающей роли КПСС и тому подобные не очень замысловатые вещи.

В целом цикле работ Я.А. Кронрода, посвященных экономической реформе, наибольший интерес и ценность представляет теоретическое обоснование проводимой тогда реформы. Среди них можно выделить такие положения, как обоснования необходимости развития товарно-денежных отношений, функционирования закона стоимости, определенной свободы хозяйствования предприятий.

Еще в 1960 г., возражая против идеи о том, что «социалистическое хозяйство не имеет специфического закона, управляющего ценами», Кронрод писал: «Тот факт, что цена есть выражение стоимости, что движение цены определяется или регулируется движением стоимости, и означает, что как в условиях товарного производства вообще, так и в условиях социалистического товарного производства в частности закон стоимости и есть закон цен, т.е. закон, регулирующий цены» [13, с. 92–93]. **И общий методологический вывод из другой работы, который и сегодня верен и актуален: «существуют некоторые объективные факторы, которые, независимо от сознания и желания, объективно вынуждают людей соотносить свою хозяйственную деятельность с экономической**

³ Об этом есть свидетельства современников, свободных от излишних симпатий как к тому политическому режиму, так, думается, и к Институту экономики АН СССР. А. Каценелинбойген писал в 1977 г.: «Институт экономики долгие годы занимался преимущественно идеологией. Однако в середине 60-х годов работники Института приняли активное участие в проводимой в стране экономической реформе. Ряд ведущих деятелей аппарата ЦК КПСС поддерживал Институт. Не будет преувеличением, если я скажу, что Институт был теоретическим штабом этой реформы... В начале 70-х годов, когда реформа была существенно свернута, Институт экономики был подвергнут резкой критике в постановлении ЦК КПСС» [3, с. 195].

необходимостью» [7, с. 68]. Как известно, экономическая необходимость тогда (середина 1960-х гг.) состояла в развитии товарно-денежных, т.е. рыночных отношений.

Можно, конечно, у Кронрода найти массу других поучительных высказываний того периода. Но я хочу остановиться на одном положении, теснейшим образом связанном с именем Кронрода в истории советской экономической мысли второй половины XX в. Это касается теории социалистического производства как разновидности товарного производства.

Рыночный социализм

Чтобы лучше представить себе роль и место Кронрода в дискуссиях того времени, надо вспомнить расстановку теоретических сил в экономической науке. Для Москвы наиболее крупные и известные были три школы в политической экономии социализма. Ядро их составляли: в МГУ кафедра политической экономии экономического факультета под руководством Н.А. Цаголова, в Академии общественных наук при ЦК КПСС кафедра экономических наук под руководством И.И. Кузьмина и в Институте экономики АН СССР сектор общих проблем политической экономии социализма под руководством Я.А. Кронрода. Именно в дискуссиях, в полемике, а порой и в борьбе с этими школами наиболее ярко проявились полемические свойства таланта Я.А.

Если выделить самое главное или крупное разделение этих школ, как впрочем и всех советских экономистов того времени, то следует назвать отношение к «рыночному социализму», разделение на товарников и антитоварников. Конечно, прямо выражать симпатии этому рыночному социализму осмеливались очень немногие. Организованная школа или направление в экономической теории в те годы не могли брать на свои знамена рыночный социализм. Так вот, школы И.И. Кузьмина и Н.А. Цаголова к «рыночному социализму» относились явно отрицательно и критически агрессивно.

Сам Я.А. высказывался очень осторожно и отмежевывался от рыночного социализма с помощью чистых научных, можно сказать, «академических» аргументов. Возражая против противопоставления народнохозяйственного планирования и рыночной конкуренции, он писал: «Это ложная альтернатива; социалистическое планирование, как и государство, – это по внутренней своей сущности не бюрократически-иерархические, а демократические институты. Стихийный же рынок – это «демократия» неравенств, антагонизмов, расточения ресурсов, не говоря уже о том, что для процесса воспроизводства на технически прогрессивной основе он вообще отказывает» [10, с. 238]. Сегодня можно возразить, что и то государство, и то планирование, которое мы имели длительное время, как раз и были «бюрократически-иерархическими». Но было ли то государство социалистическим? Сегодня для многих отрицательный ответ на этот вопрос достаточно ясен.

В этой цитате, как и во многих других работах Я.А. Кронрода, написанных в 1970-е гг., есть два уровня восприятия. Первый и простой для простодушных политических властей: раз мы называем себя «социалистическим государством», рассуждают представители власти, то, значит, это демократический институт. Второй – для критически настроенных читателей: раз государство представляет собой бюрократическую систему, то, значит, оно по сущности своей не является социалистическим. Кронрод давал возможность каждому прочитать в своих работах, что тот мог и хотел в них найти. По тем временам это уже было немало.

В то же время Я.А. Кронрод может быть, один из немногих, кто в «академической» науке боролся против «безрыночного социализма». Кронрод писал, что «сторонники концепции модели безрыночного социализма, цепляясь за цитаты, отрицают реальные факты социалистической действительности – товарный характер социалистического производства, реальные, экономически содержательные, связанные с законом стоимости товарно-денежные отношения и их формы – товар, деньги, цены и т.д.» [10, с. 245]. Действительно, реальные факты той экономической системы содержали полный набор рыночных категорий и их надо было «легализовать», т. е. представить в одеждах социализма. И тут, конечно, была проблема.

Теперь о социализме как разновидности товарного производства. На мой взгляд, это очень фундаментальная постановка, которая опрокидывала всю ортодоксальную марксистскую схему. Известно, что классики марксизма отрицали возможность товарного производства при социализме. Кронрод прямо объявил, что они ошибались⁴. При социализме, утверждал Я.А. Кронрод, должны

⁴ Конечно, Кронрод писал не так резко и четко. Но все же: «... политическая экономия разрабатывает вопрос о необходимости товарного производства при социализме. Иными словами, она заменяет старый марксистский тезис о несовместимости товарно-денежных отношений с экономикой социализма новым тезисом о необходимости при социализме этих отношений ...» [6, с. 122]. У активных участников дискуссий тех лет прочно отложилось в памяти, что Кронрод, как вспоминает Н.С. Шухов, «честно, смело и убедительно заявил, что в этом фундаментальном вопросе классики марксизма допустили грубую теоретическую ошибку...» [23, с. 92–93].

быть и есть товарное производство и товарно-денежные отношения [4, 6, 5, 10]. По сути дела, Я.А. Кронрод обосновал необходимость рынка при социализме, создал теорию товарного производства в социалистическом обществе. Хотел он того или нет, но он выступил наиболее глубоким теоретиком рыночного социализма в тогдашних условиях советского политического режима.

При этом надо иметь в виду, что теория рыночного социализма, как она разрабатывалась Кронродом, существенно отличалась от классической теории рыночного социализма, например, О. Ланге. Последний предполагал создание системы «теневых цен» и расчетный экономический механизм, которые бы явились аналогом или заменителем реального рыночного механизма и закона стоимости [18, с. 171–173]. Эта версия рыночного социализма в определенной степени соответствует тому, что делалось в экономико-математическом направлении, в частности, в работах Л.В. Канторовича и В.В. Новожилова. Кронрод же не предполагал чем-либо заменять закон стоимости и рынок, но лишь их ограничивал в некоторых существенных проявлениях. Если уж искать аналогии кронродовской теории рынка и товарного производства при социализме, то прежде всего надо назвать Л.Н. Юровского. Еще в статье 1926 г., прямо называя советскую экономическую систему «товарно-социалистической», он писал: «Наша хозяйственная система есть система товарно-денежного и планового хозяйства, покоящегося еще на ценностном принципе» [22, с. 513]. Но при всем при этом, надо учитывать, что и Юровский и Кронрод называли советское общество социалистическим не на основе теоретических изысканий, а по необходимости. У Юровского была задача создания для советских условий нормального экономического механизма хозяйствования, в основе которого лежат рыночные отношения и товарно-денежный механизм конкуренции. Назвать ли такое общество «социализмом», для Юровского было привходящим моментом. Для него дело было в существе, а не в названии. У Кронрода была та же самая цель, создать рыночный механизм распределения ресурсов, а назвать это общество как-то иначе, чем социализм, в тех условиях он просто не мог. Ведь в конце жизни он назвал это общество социализмом. Но дело в данном случае не в терминологии. Сегодня можно сказать, что позиция Я.А. Кронрода в известной мере близка к социал-демократической трактовке процесса социализации капиталистической экономики.

Логически развивая кронродовскую постановку о товарном производстве, можно вывести, что между капитализмом и социализмом различий меньше, чем между социализмом и коммунизмом, что социализм есть состояние, близкое к состоянию постиндустриального общества. Конечно, Я.А. именно так тогда не писал, но его теоретические построения наталкивали именно на такой вывод. Может быть, даже закономерно, что Кронрод довольно много страниц посвятил разбору и критике, правда, далеко не всегда удачной, работ представителей левого течения экономической мысли. Не случайна, наверное, и приводимая Я.А. цитата Й. Шумпетера, что «социалистическая форма общества неизбежно возникает из столь же неизбежного разложения капиталистического общества» [11, с. 72]⁵.

Но, видимо, всемоу свое время.

Методология того, чего не было

Очень важный и очень трудный вопрос, который определяет противоречия между реальной жизнью и экономической идеологией 1970–1980 гг., — это методология. Ведь почти все политэкономы думали, что живут в социалистическом обществе, и при этом никак не могли социалистические ценности примерить с реальной экономической жизнью. Если концентрированно говорить о самом главном и существенном в научных разработках Я.А. Кронрода, то это, безусловно, будут его поиски в области методологии экономической теории социализма. Конечно, нам сейчас легко, вернее, позволительно, говорить, что, может быть, и никакого социализма в реальности не было. Что глупо создавать методологию того, чего в реальности не было и, в принципе, быть не могло в отдельно взятой стране. Что это будет методология несуществующей реальности. Все так.

Но тогда и в тех условиях мало кто из пишущих советских обществоведов мог поставить под сомнение сами основы общества, которое считалось социалистическим. Ведь налицо было директивное народнохозяйственное планирование и государственная (общенародная) собственность на средства производства. И это считалось вполне достаточным для социалистического общества. Это сегодня мы стали умнее и нам этого уже мало. Многие задавались вопросами, искали подходы к научному

⁵ В последней книге, вышедшей только в 1992 г., Кронрод уже стал писать именно так, как это можно было ожидать, внимательно изучая развитие его взглядов: «Ассоциированный сектор развивается в ущерб частно-капиталистическому, прежде всего и в основном олигополистическому корпоративному его компоненту и компоненту крупного частного капитала. Тем самым объективно задается и генеральное направление социально-экономической эволюции – от ассоциированного олигополистического капитализма к всеобщееассоциированному строю производства. Назвать ли его социализмом, постиндустриальным обществом – это скорее вопрос терминологий» [9, с. 108].

определению тех или иных сторон этого общества. И Кронрод среди таких политэкономов был одним из наиболее творческих и глубоких ученых. Его методологические постановки позволяли пробить брешь в толще официальной апологетики, камуфляже и псевдомарксистской фразеологии.

Пожалуй, наибольшее достижение Я.А. Кронрода в разработке методологии политической экономики состоит не в решении каких-то отдельных проблем, а в том, что весь комплекс его исследований заставлял искать пути и средства к существенному реформированию сложившихся представлений об экономической теории социализма.

Какие это постановки? Их много и в разной степени они важны и существенны. Укажем, например, на такие, как трактовка основного противоречия и основного закона социализма, отличного от основного закона коммунистической фазы развития; отношения формального равенства и фактического неравенства по отношению к средствам производства; трактовка собственности как особого производственного отношения и многие другие.

С сегодняшней точки зрения, некоторые постановки Я.А. Кронрода могут показаться наивными и почти неуклюжими попытками внести хоть сколько-нибудь трезвомыслия в официальную политэкономическую фразеологию. Это все так. Но ведь как-то пробиваться к истине надо было, нужно было с чего-то и как-то начинать. Ведь многие, обильно публиковавшиеся политэкономы (но далеко, конечно, не все) никуда не пробивались, кроме как в официозную и гонорарную печать, а некоторые из них, превратившиеся в начальников, горазды были и разделаться с реально пробивающимися к научной истине.

Покажем это на одном примере. Кронрод, пожалуй, один из первых, попытался хоть немного раздробить монолит понятия «общественная социалистическая собственность». Надо сказать, что во многих словарях и учебниках политэкономии до конца 1960-х годов термин «общественная социалистическая собственность» вообще не раскрывался, а лишь указывалось, что эта загадочная собственность существует «в двух ее формах» и «... определяет характер социалистических производственных отношений, их коренные отличия и решающие преимущества по сравнению с буржуазными производственными отношениями» [16, с. 408–409].

Затем была попытка как-то раскрыть этот термин. Наибольшую популярность получила версия академика А.М. Румянцева: «Сущность отношений всенародной собственности заключается в том, что все члены общества реально относятся друг к другу как совместные собственники подавляющего большинства основных средств производства в стране. Каждый член общества, где бы он ни работал и где бы он ни находился в то или иное время, наряду со всеми другими является сохозяином этих средств, где бы таковые ни были расположены» [17, с. 88–89]. Это определение социалистической общенародной собственности почти в таком же виде просуществовало до самого последнего периода советской системы. Конечно, это определение, если брать его как очень абстрактное, трудно подвергнуть уничтожающей критике. Но можно. Так, совершенно нелепо представлять себе, что директор гигантского завода и простая уборщица являются совместными собственниками, «сохозяевами» основных средств производства. В таком абстрактном виде это определение мало что объясняет и выглядит достаточно бессодержательным. Необходимо его развертывание и конкретизация.

Кронрод и попытался предложить более содержательный подход к трактовке понятия общенародной социалистической собственности, имея в виду не абстрактное представление о социализме, а реальное, конкретное, существующее тогда общество. «Стало быть, – писал он, – всенародная собственность как основное производственное отношение социализма включает в себе внутренние противоречия – противоречия между «формальным равенством» производителей в отношении собственности как отношениях всенародного коллективного присвоения–распоряжения средствами производства — и фактическим неравенством в тех же отношениях собственности как отношениях присвоения — использования средств производства различными общественными группами трудящихся» [6, с. 306].

Казалось бы, очень сложная и даже витиеватая конструкция, которая могла бы дать некоторый повод для дискуссии, но не более. Дискуссия, конечно, получилась, но на русско-советский манер: односторонний разнос Кронрода. Критики били наотмашь по самым творческим местам конструкции. Так, А.И. Пашков писал, что «нельзя согласиться с утверждением автора, что при социализме экономическое равенство людей в присвоении средств производства как распоряжении ими есть всего лишь формальное равенство», что «фактическое экономическое равенство людей при социализме отрицается здесь прямо, а фактическое социальное неравенство разных групп трудящихся объясняется «спецификой» социалистической формы собственности» [15, с. 98, 99].

Вся аргументация А.И. Пашкова против формального равенства (а неравенство Пашков отрицал начисто) сводилась к тому, что Маркс и Ленин допускали неравенство лишь в распределении предметов потребления. На что Кронрод весьма логично отвечал еще в своей книге, что «распределение лишь выражает реальное положение производителей в производстве. И потому ежели бы это положение было положением фактического экономического равенства, то и само распределение необходимо было бы экономически равным распределением» [6, с. 306].

Так, простая и очевидная вещь, что не все люди экономически равны в тогдашнем советском обществе, не то что не могла получить научное развитие, но и была плотно раскритикована научными начальниками. И надо сказать, было за что критиковать. Ведь в те годы советская официальная идеология усиленно насаждала миф о социальной однородности советского общества, о социальном равенстве советских людей. В угоду этому мифу стали искусственно снижать дифференциацию в оплате труда. Дело дошло до того, что зарплата инженеров почти сравнялась с зарплатой рабочих. Если в середине 1950-х гг. зарплата ИТР превышала зарплату рабочих в 1,7 раза, то в середине 1980-х – только в 1,1 раза. Стремление к уравниловке в оплате труда самым негативным образом сказалось на экономическом развитии СССР в конце 1980-х гг. Кронрод показывал и доказывал, что фактическое неравенство в советском обществе есть объективная неизбежность, ибо на данной стадии индустриального развития существует неоднородность труда, которая и выступает объективной основой неравенства. «Члены общества не равны, – писал Кронрод, – они используют разные средства производства в разных условиях, затрачивая еще разные социально-экономические виды труда» [11, с. 227]. Кстати говоря, сегодня многие исследователи бьются над проблемой критерия нормального и ненормального (чрезмерного) неравенства. Кронрод же еще в 1960-х гг. показал, что объективной основой неравенства для индустриального общества является неоднородность общественного труда и нормальное неравенство должно соответствовать степени этой неоднородности. Научное положение с большим эвристическим потенциалом, выдвинутое Кронродом более 50 лет назад и жестко раскритикованное тогда в печати, сегодня представляется большой теоретической находкой.

Социализм как способ производства: дискуссия, проработка, оргвыводы

Если постараться как-то сложить все оригинальные разработки Я.А. Кронрода в области социализма, то получается нечто интересное. Сюда можно отнести товарный характер социалистического производства, регулирующую роль закона стоимости; проблему цены как балансирующего инструмента спроса и предложения; необходимость конкуренции (позднее он писал об экономическом соревновании между предприятиями); наличие фактического неравенства между участниками социалистического производства, как его объективно необходимый момент; комплекс противоречий, конституирующих и импульсирующих советское общество. Налицо почти все характеристики рыночного социализма, как эту конструкцию назвали бы «ревизионисты» 60-х годов прошлого века.

Но для того, чтобы в методологическом плане обосновать рыночный социализм, не называя его именно так, следовало сделать еще один, пожалуй, решающий шаг. Необходимо было оторвать социализм от коммунизма, довольно прочно отделить их друг от друга. И Кронрод этот шаг сделал. Я имею в виду дискуссию в январе 1971 г. о социализме как особом способе производства, которая проходила в Институте экономики АН СССР и после которой Институт решением ЦК КПСС был полностью реорганизован. Я.А. Кронрод из заведующего сектором был переведен в «исполняющего обязанности» старшего научного сотрудника. Политический режим в этом затянувшемся романе с Я.А. поставил точку. Надо сказать, что после этой дискуссии и последующих административных выводов Кронрод не смог в полной мере оправиться. Он долго болел, очень переживая свое отстранение от руководства группой сотрудников, невозможность печататься и т.п.

Чем же, собственно говоря, Кронрод напугал политические власти? Возьмем его доклад на дискуссии 1971 г. Здесь он, например, пишет о таких, получивших именно сегодня развитие (правда, иногда довольно своеобразное) предметах, как выделение и отделение от государственной политической организации общества «всеобщей общественной негосударственной... экономической его организации»; экономического соревнования между предприятиями и регулирующего значения в этом процессе закона стоимости («расширение материально стимулируемого экономического соревнования, повышение его эффективности через отмену фондирования и замену его планомерной торговлей...»); наконец, о необходимости экономической демократии, «экономической свободе личности непосредственного производителя» [8, с. 16, 33, 41].

Однако главный вывод (или вопрос) был поставлен так: «Перед наукой во весь рост стал принципиальный общий определяющий вопрос: что представляет собой социалистическая фаза коммунизма – есть ли это лишь относительно исторически кратковременная начальная ступень развития коммунистического способа производства или же это есть исторически особая длительная полоса развития человеческого общества, опирающаяся как на свой экономический фундамент – на социалистический способ производства, представляющий собой особый по сравнению с развитым коммунизмом способ производства, специфически исторический способ производства, открывающий эру коммунистического развития человечества, но являвшийся еще именно социалистическим способом (в отличие от прогрессивно друг друга сменяющих в процессе будущего общественного прогресса способов производства полного коммунизма). Другими словами, встал вопрос: представляет ли социализм как низшая начальная фаза коммунизма, т.е., как этап его становления, самостоятельный способ производства?» [8, с. 6].

Казалось бы, ну и что здесь такого особенного? Где же тут ревизия, отступничество, ересь? На первый взгляд представляется какая-то очень абстрактная конструкция поиска общности и различий между социализмом и коммунизмом. Сегодня, с расхожей, бытовой точки зрения, эта схема является вообще какой-то утопической схоластикой. Но не то было 40–50 лет назад. Я уже отмечал необыкновенные умственные способности советских экономистов времени тоталитарного режима, которые за обыкновёнными словами скрывали необыкновенное содержание. Другие могли читать и понимать больше того, чем мог себе позволить автор в печатном слове.

И на этот раз наиболее умные критики Кронрода все поняли. Вот что писал И. Кузьминов по поводу вышеприведенной конструкции Я.А. Кронрода: «В этой схеме общие черты социализма и коммунизма смазаны, а на первое место выдвинуты специфические, в первую очередь, товарно-денежные. Автор обосновал наличие глубинных различий между социализмом и коммунизмом, в то время как в действительности следует исходить из их глубинных общих основ. Не случайно некоторые последователи Я.А. Кронрода, восприняв его концепцию, сделали из нее логические выводы, провозглашая необходимость конкуренции при социализме, толкуя распределение по труду по существу как распределение по рыночным условиям, рассматривая закон стоимости чуть ли не как основной экономический закон социализма, и т.д. Такая трактовка социализма, естественно, не укладывается в рамки первой фазы коммунизма. Но именно это-то обстоятельство и служит убедительным доказательством ее непригодности» [14, с. 20].

Я думаю, что И. Кузьминов в целом был прав. Концепция Кронрода «не укладывалась» не только «в рамки первой фазы» но, пожалуй, и в рамки официальной трактовки государственного социализма. Поэтому было естественным и закономерным жесткая критика Я.А., снятие его с микроскопической административной должности заведующего сектором, резкое сужение публикационных возможностей.

Ныне значительным числом авторов признается, что социализма у нас как такового, т. е. в аутентичном марксистском понимании, не было, а если и было что-то похожее на социализм, то весьма отдаленно. У Кронрода почти невозможно встретить места, где бы он писал, что да, то общество, та экономика, которая есть в наличии, это на все 100% социалистическая экономика и желать лучшего не надо. Конечно, Я.А. исходил из того, что мы живем в социалистическом обществе в том смысле, что налицо некоторые социалистические предпосылки общественного устройства. Однако до полного социализма еще, по мнению Я.А. Кронрода, было далеко. Во всяком случае так можно заключить и из его постановки о том, что социализм в СССР еще не имеет соответствующей ему материально-технической базы и не обладает более высокой «ступенью развития общественной производительности труда» [8, с. 11]. В своей последней книге «Очерки социально-экономического развития XX века», вышедшей, как уже говорилось, после его смерти, Кронрод высказывается по данному вопросу более определенно: «Опыт социалистического общества, выдающего себя за социалистическое, а на деле являющегося строем фальшивого социализма – социалистическим, антагонистом реального социализма, породил в мировом общественном сознании незаконное отождествление социализма с социализмом и всякими его разновидностями в развивающихся странах» [9, с. 221]. Таким образом, Кронрод, разрабатывая основы перехода к социализму, его методологию и стратегию, прошел длинный и сложный путь интеллектуальной эволюции. На этом пути у него было много находок, прозрений, но и консерватизма, заблуждений. Было всего много, но путь такой он проделал.

Итого

И только в самом конце жизни Я.А. Кронрод смог и фразеологически освободиться от многих догм советской официальной идеологии «марксизма-ленинизма». Кронрод стал Кронродом благодаря многим своим работам советского периода, в которых он не ставил под сомнение основы

идеологии «марксизма-ленинизма». Эти работы оказали громадное воздействие на всю советскую экономическую науку. Невозможно представить политическую экономию социализма без этих фундаментальных работ Кронрода. И эти же работы составляют предмет настоящего очерка: интерпретация политической экономии социализма и ее места в общественной науке советского периода. Последняя работа Я.А. Кронрода «Очерки социально-экономического развития XX века» была опубликована в 1992 г. и, естественно, на советское обществоведение никакого влияния оказать не могла, ибо само это обществоведение к этому сроку исчезло. В то же время эта работа Кронрода, на мой взгляд, явилась логическим продолжением и завершением интеллектуального развития Кронрода, теоретика и экономиста, эволюции его мировоззрения.

Пытаясь ответить на вопрос о смысле научной деятельности такого калибра ученых, посвятивших свой интеллект развитию социалистической теории, можно ответить следующее. Нет, не зря Кронрод и многие вместе с ним или отдельно потратили жизнь на развитие экономической теории социализма. Более того, ни в личном, ни в интеллектуальном плане они иначе поступить не могли. В обсуждении этого вопроса можно выделить два аспекта.

Первый, более очевидный. Кронрод и иже с ним, обосновывая необходимость товарного производства при социализме, действия закона стоимости, подталкивали развертывание всякого рода экономических реформ, развитие рынка в стране. Понимание социализма в том числе, а может быть, и в первую очередь, под влиянием работ Я.А. уточнялось, углублялось: прибавлялись фазы и этапы развития социализма, социализм отделялся от коммунизма и т.п. В общем, дело шло к подготовке нового мышления, к пониманию необходимости перемен во многих сторонах жизни нашего общества. Без таких ученых, как Я.А., видимо, трудно говорить о новом этапе демократического развития страны.

Второй аспект менее очевиден. Его можно сформулировать так. Кронрод своими работами продолжил формирование особой культуры научного мышления в области экономической теории социализма. Трудно сказать, является ли это специфически русским интеллектуальным явлением, но нигде в мире мы не найдем столь мощное развитие социалистической ветви экономической теории в условиях тоталитарного режима.

В конце XIX — начале XX вв. в России сложились уникальные условия для интеллектуального и культурного развития. И в самом деле, какую бы отрасль культуры ни взять (литература, живопись, музыка, театр), нельзя ни одну страну сравнить с Россией в ее серебряный век. И наука здесь не исключение, в том числе экономическая. Именно тогда появились экономические сочинения В. Дмитриева, блестящие работы И. Кауфмана, А. Чупрова, П. Струве, М. Туган-Барановского, именно тогда сформировались А. Богданов, Н. Кондратьев, В. Новожилов, Е. Преображенский, И. Рубин, А. Чаянов и множество других. Я.А. Кронрод считал себя учеником И.И. Рубина, много о нем говорил, советовал его читать. С полным основанием можно утверждать, что Кронрод продолжал дело тех мыслителей, которых дал России ее серебряный век.

Именно в этой ситуации, именно на российской почве получили развитие и своеобразное преломление многие идеи марксизма и социализма. Социалистическим обобщениям в той или иной мере отдали дань почти все крупнейшие русские философы и экономисты. Более того, социалистическую закваску можно, наверное, считать непременным атрибутом интеллигента. Например, П.Б. Струве так и пишет: «Русская интеллигенция, как особая культурная категория, есть порождение взаимодействия западного социализма с особенными условиями нашего культурного, экономического и политического развития. До рецепции социализма в России русской интеллигенции не существовало, был только «образованный класс» и разные в нем направления» [19, с. 151]. В 1922 г. известный русский философ эмиграции Л. П. Карсавин как-то воскликнул: «Увы, все русские интеллигенты немного социалисты» [2, с. 321]. И никто из великих российских интеллигентов не считал социалистические теории интеллектуальным недоразумением, даже если и сравнительно далеко отошел от них впоследствии.

Таких ученых, как Кронрод, следует, наверное, рассматривать как продукт отечественной интеллектуальной почвы, пропитанной марксизмом и социализмом, как закономерное явление развития русской общественной мысли. В этой связи представляется некорректной сама постановка вопроса о якобы зря потраченных годах на исследования социалистической доктрины. Я.А. Кронрод не мог поступить иначе: раз он заинтересовался социальными проблемами, то к ним можно было подходить в реальных условиях российского общества, только через марксизм, только в социалистической трактовке. Таков был императив российских общественных условий и развития общественной жизни тех лет.

Наконец, третий аспект – это наша история. Негоже забывать ее, и тем более перечеркивать. Историю экономической мысли в СССР невозможно представить без имени Я.А. Кронрода, без его трудов, его борьбы. И наше сегодняшнее отношение к идеям Я.А. Кронрода и к его личности в целом характеризует не его, а нас самих.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М.: Прогресс, 1969.
2. Карсавин Л.П. Малые сочинения. Спб., 1994.
3. Каценелинбойген А. Советская политика и экономика. Кн. 2. Chaldize Publications, 1998.
4. Кронрод Я.А. Деньги в социалистическом обществе. Очерки теории. М.: Госфиниздат, 1960.
5. Кронрод Я.А. Закон стоимости и социалистическая экономика. М.: Наука, 1970.
6. Кронрод Я.А. Законы политической экономики социализма. Очерки методологии и теории. М.: Мысль, 1966.
7. Кронрод Я.А. О некоторых теоретических основах хозяйственной реформы // Совершенствование планирования и управления народным хозяйством. М.: Наука, 1967.
8. Кронрод Я.А. Основы развитого социалистического способа производства (тезисы доклада) // Тезисы докладов на институтской научной конференции по проблеме «Марксистско-ленинская теория развитой социалистической экономики». М.: Институт экономики АН СССР, 1970.
9. Кронрод Я.А. Очерки социально-экономического развития XX века. М.: Наука, 1992.
10. Кронрод Я.А. Планомерность и механизм действия экономических законов социализма. М.: Наука, 1988.
11. Кронрод Я.А. Производительные силы и общественная собственность. М.: Наука, 1987.
12. Кронрод Я.А. Социалистическое воспроизводство. М.: Госполитиздат, 1955.
13. Кронрод Я.А. Стоимость и цена в условиях социалистической экономики // Проблемы политической экономики социализма. М.: Госполитиздат, 1960.
14. Кузьминов И.И. Очерки политической экономики социализма. От социализма к коммунизму. М.: Мысль, 1980.
15. Пашков А.И. О собственности на средства производства, классах, социальных группах и о характере труда при социализме (По поводу одной концепции) // Вопросы экономики. 1971. № 11.
16. Политическая экономия: Учебник / Под ред. К.В. Островитянова и др. М.: Госполитиздат, 1962.
17. Румянцев М.А. О категориях и законах политической экономики коммунистической формации. М.: Мысль, 1966.
18. Социалистическая модель О. Ланге // История экономических учений. Ч. II / Под ред. А.Г. Худокормова. М.: Изд-во МГУ, 1994.
19. Струве П.Б. Интеллигенция и революция // Вехи; Интеллигенция в России. Сб. ст. 1909–1910. М.: Мол. гвардия, 1991.
20. Судьба ученого и трагедия науки (К 80-летию со дня рождения Я.А. Кронрода). М.: Наука, 1992.
21. Теория догоняющего развития Е.А. Преображенского и современность / Под ред. М.И. Воейкова. М.: ИЭ РАН, 2011.
22. Юровский Л.Н. Денежная политика Советской власти (1917–1927). М.: Экономика, 2008.
23. Я.А. Кронрод: личность ученого, политическая ситуация, экономическая теория / Под ред. М.И. Воейкова и др. М.: ИЭ РАН, 1996.